

RU

Выразительная модификация терминов в современном законодательном дискурсе (на примере немецкого Уголовного кодекса)

Петрянина О. В., Беленкова Ю. С.

Аннотация. Статья посвящена изучению разнообразных языковых способов и средств, выступающих в качестве текстовой экспрессивности норм немецкого уголовного права. Целью исследования является выявление выразительных возможностей юридического языка, реализуемых через эмоционально-оценочный компонент, встроенный в семантическое содержание терминологических единиц анализируемой терминосистемы. Авторы рассматривают черты субъективизма как стремление к достижению эстетики профессионального переводческого текста, служащей для усиления аффективности, что проявляется в оценочном восприятии определенных поступков и ситуаций. При этом научная новизна исследования заключается в том, что предпринятая попытка позволяет выделить и проанализировать эмоционально-экспрессивные особенности языка закона с учетом субъективного толкования содержания юридических понятий. В результате исследования было установлено, что Уголовный кодекс ФРГ, несмотря на объективность и беспристрастность изложения, присущие данной форме актуализации профессионального научного дискурса, характеризуется наличием достаточного количества экспрессивной лексики. К эксплицитным способам вербализации выразительности в этой предметной области относятся терминологические дефиниции, обладающие конкретным эмотивным значением, атрибутивная оценочная лексика, эмфатические и метафорические фразы.

EN

Expressive modification of terms in modern legislative discourse (by the example of the German Criminal Code)

Petryanina O. V., Belenkova Y. S.

Abstract. The paper is devoted to the study of various linguistic ways and means acting as textual expressiveness in German criminal provisions. The aim of the research is to identify the expressive capabilities of the legal language realised through an emotional-evaluative component embedded in the semantic content of terminological units in the analysed term system. The authors consider the features of subjectivism as a desire to achieve the aesthetics of a professional translation text enhancing affectivity, which manifests itself in the evaluative perception of certain actions and situations. At the same time, the scientific novelty of the research lies in the fact that the attempt made allows identifying and analysing the emotional and expressive features of the legal language taking into account the subjective interpretation of the content of legal concepts. As a result of the study, it has been found that the Criminal Code of Germany, despite the objective and dispassionate language peculiar to this form of actualisation of professional scientific discourse, is characterised by the presence of a sufficient amount of expressive vocabulary. The explicit methods of expressiveness verbalisation in this subject area include terminological definitions with a specific emotive meaning, attributive evaluative vocabulary, emphatic and metaphorical phrases.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, проблемами избыточной вариативности единиц, принадлежащих к юридической терминологии в целом и функционирующих в уголовно-правовой практике в частности, что вызывает значительные трудности в работе переводчика. Из-за существования множества терминологических определений, имеющих схожие значения, возникают неточности, которые связаны именно с толкованием таких дефиниций. В свою очередь, трактовка инвариантных юридических понятий

невозможна без учета их прагматических свойств, особенно при описании так называемых оценочно-референтных слов, в семантическом содержании которых переплетены предметный и экспрессивный компоненты.

С другой стороны, терминологические недостатки законодательства и недооценка значимости терминологических особенностей правового понятийного аппарата зачастую оборачиваются неправильной квалификацией преступлений и их наказуемостью (Казакова, Иншаков, 2020, с. 120). Отсюда очевидно, что справедливость и эффективность уголовного законодательства могут быть достигнуты посредством коррективной интерпретации лингвистических формул, отражающих правовую сущность законов.

Более того, успех коммуникации в юридической сфере зависит от того, что переводчик должен не только хорошо знать юридическую терминологию двух языков (исходного языка и языка перевода), знать специфику обоих правовых систем, но и творчески подбирать наиболее удачный для данного контекста эквивалент (Скворцов, 2019, с. 20). В конечном счете выбор соответствующего эквивалента во многом обусловлен субъективной составляющей. Известно, что при переводе научных и профессиональных текстов личностные смыслы субъекта переводческой деятельности непосредственно присутствуют, поскольку перевод – адекватное отражение, пропущенное сквозь призму личности переводчика-интерпретатора (Кочкинекова, 2016, с. 174). Тем самым фактор субъективности предопределяет возможность внесения оценочности в семантическую структуру терминов права. Однако целесообразно заметить, что в некоторых случаях переводческие варианты толкования смысла оригинала звучат несколько расплывчато, что вполне может ввести в заблуждение.

Все это обуславливает необходимость проведения комплексного исследования экспрессивно-оценочных значений, присущих юридическим номинациям в контексте их использования – в современном уголовном законодательстве.

Объектом исследования являются специфическая лексика и терминология немецкого уголовного права, в содержание которых добавлены различные экспрессивно-эмоциональные оттенки, манифестируя тем самым образную выразительность юридических формулировок, особенно при отборе переводческих решений.

В соответствии с объектом и целью сформулированы следующие задачи:

- 1) определить специфику юридического текста как особого подвида профессионального дискурса и кратко охарактеризовать особенности юридической терминосистемы;
- 2) обосновать способность законодательной речи реализовывать экспрессивно-оценочную функцию;
- 3) описать специфику достижения языковой выразительности средствами языка немецкого уголовного права;
- 4) обосновать проявление субъективности при переводческих решениях в работе с юридическими терминами из Уголовного кодекса Германии, что способствует созданию экспрессивно-оценочной образности в профессиональной речи и оказывает влияние на степень точности и ясности конкретных норм права.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: метод изучения и реферирования научной литературы по теории юридического дискурса, метод выборки, позволивший отобрать юридическую терминологию, семантико-когнитивный анализ для выявления выразительности юридической речи, придающей терминологическим понятиям образность и эмоциональную окрашенность. Для анализа перевода терминологических номинаций применялись описательно-сопоставительный анализ и метод интерпретации переводческих решений.

Теоретическую базу исследования составили научные работы Т. В. Варлаковой (2022), В. А. Казаковой, С. М. Иншакова (2020), Г. Радбруха (Radbruch, 2003), посвященные функционированию терминов в профессиональном языке права, использовались труды Е. А. Макшанцевой (2012), И. В. Ундольской (2019), Л. Чомпи (Ciompi, 1997), М. Дрешер (Drescher, 2003), Р. Филера (Fiehler, 1990), В. Гаста (Gast, 2006), С. Яр (Jahr, 2000), описывающие эмоциональность юридического текста, и труды А. В. Кочкинековой (2016), И. Л. Петровой (2021), О. Г. Скворцова (2019), Й. Кулеша (Kulesza, 2004) по проблемам перевода юридической терминологии и юридических текстов.

Практическим материалом исследования послужили юридические термины и терминологические сочетания, в структуре которых оказывается возможным присутствие оценочного компонента, выявленные в результате выборки из кодексов законов уголовного права Германии (Strafgesetzbuch (StGB). URL: <https://dejure.org/gesetze/StGB>).

Также использовались лексикографические источники:

Русско-немецкий юридический словарь. URL: <https://876.slovaronline.com/>;

Немецко-русский словарь юридических терминов / сост. В. Ю. Рабцевич. Мн., 2022.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут использоваться в лекционных курсах по лингвистике, стилистике, лингвистическому анализу профессиональных текстов, юридической риторике, а также при практическом использовании лингвистами-переводчиками в работе с текстами юридической тематики.

Обсуждение и результаты

Юридический язык можно охарактеризовать как холодный, резкий и скудный, отказывающийся от всякого эмоционального тона, а также от любых рассуждений. Он стремится достичь объективности с помощью лапидарного стиля, атрофии агентности, концептуальной абстрактности, одновременно выступая в качестве инструмента для выражения отношений власти и послушания (Radbruch, 2003, S. 104).

С одной стороны, в юридическом дискурсе наблюдается тенденция к изображению фикции объективности, т. е. передачи видимости действительности, и устранению нежелательных черт субъективности (Gast, 2006, S. 445). В языковом плане это отражено, например, в предпочтении безличных пассивных конструкций или в доминировании именованного стиля, что обеспечивает концептуальное представление события и предотвращение продуктивного воображения. Поэтому юридическая лексика должна характеризоваться эстетической, экспрессивной и нравственной нейтральностью, чтобы не подрывать рациональный характер профессионального языка и не наводить на субъективные установки со стороны говорящего или пишущего.

Однако объективность и отстраненность юридического языка противопоставляются его предписывающему характеру. Сказанное носит перформативный характер, что находит отражение в отношениях авторитета и послушания. Для этого юридическая терминология прибегает к средствам, позволяющим апеллировать к чувству собственного достоинства адресата. На практике это буквально означает использование языковых средств аффективно-выразительного характера, что, в свою очередь, приводит к нарушению принципа нейтральности.

С другой стороны, юридическому языку свойственны субъективность и словесная выразительность, с помощью которых реализуется оценочная функция языка. По Р. Филеру, каждое высказывание имеет две основные функции: передачу информации и оценку (Fiehler, 1990, S. 36). Каждый языковой знак потенциально экспрессивен, поскольку может быть использован по мере необходимости для обозначения отношения говорящего к сообщаемым фактам (Drescher, 2003, S. 43). Решающим для определения того, является ли оценка эмоционально окрашенной или неэмоциональной, выступает «степень участия это как внутреннего состояния говорящего» (Jahr, 2000, S. 76). В отношении юридического языка было бы правильнее говорить о выразительности языка, а не о наличии эмоциональности, так как здесь конститутивный фактор вовлечения это в целом отсутствует. Для реализации данного принципа необходимо, чтобы юридический текст обладал вневременным и надындивидуальными качествами.

Каждый языковой знак имеет коннотативный потенциал, который может раскрываться, например, в контексте группы слов или единиц текста. Именно коннотативное значение слова передает аффективность, т. е. эмоциональный элемент смысла. Утверждение о том, что эмоции следует рассматривать как неотъемлемую часть значения языковых знаков, находит подтверждение в теории коммуникации Л. Чомпи, согласно которой информация является одновременно когнитивной и аффективной, а аффекты – мотиваторы всей когнитивной динамики (Ciompi, 1997, S. 301).

Таким образом, когнитивная информация всегда аффективно маркирована, даже если эмоциональная вовлеченность говорящего остается только имплицитной, поскольку аффективное значение кодируется средствами, присущими языку.

Далее проанализируем, как в языковых единицах уголовного права раскрывается аффективная семантика.

Исследование показало, что самый большой набор средств, вербализующих выразительность профессиональной юридической речи, можно найти в области лексики. Это неудивительно вследствие того, что феномен экспрессивности связан, в первую очередь, со смысловой функцией языковых знаков. Поэтому основное внимание в нашей работе направлено на лексическую область, а точнее на приобретение юридической терминологией прагматического, оценочного созначения.

Важно подчеркнуть, что термины в рамках юридического контекста могут терять экспрессивную нейтральность, что приводит к трансформации их смыслового развития. Имманентная двумерность юридических утверждений, т. е. связывание описательного (фактического) и нормативного (оценочного) элементов, особо четко проявляется через соответствующий выбор слов, который позволяет найти способ направить адресата к конкретной оценке. Данная тенденция зачастую возникает в переводческой практике, когда переводчик нарушает принцип сохранения терминологической эквивалентности в целях создания наиболее эмоционально-адаптивной версии терминологических номинаций в переводящем языке, оказывая тем самым определенное прагматическое воздействие на адресата.

Обратим внимание на то, что в текстах уголовного права не наблюдается стремление к нейтрализации/опредмечиванию описания через его объективацию. Наоборот, эмоциональность вовсе не упраздняется, а сознательно используется с целью разьяснения несправедливости и клеймения юридически и морально неприемлемого поведения.

Рассмотрим пример, описывающий состав преступления, который квалифицируется в Уголовном кодексе Германии как убийство:

§ 211 *Mörder ist, wer aus Mordlust, zur Befriedigung des Geschlechtstriebes, aus Habgier oder sonst aus niedrigen Beweggründen, heimtückisch oder grausam oder mit gemeingefährlichen Mitteln oder um eine andere Straftat zu ermöglichen oder zu verdecken, einen Menschen tötet* (StGB). / Убийца – это тот, кто коварно или жестоко убивает человека из садистских побуждений, для удовлетворения полового влечения, из жадности или по иным низменным мотивам, используя общеопасные средства или с целью совершения или сокрытия другого преступления (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – О. П., Ю. Б.).

Сразу отметим, что в немецком уголовном праве функционируют два термина, обозначающих убийцу: *Mörder* (убийца) и *Totschläger* (убийца), которые выражают эмотивность в виде неодобрения акта убийства через логико-предметную семантику. *Totschläger* – тот, кто, согласно признакам состава преступления, установленным законом, не может быть классифицирован как *Mörder*, т. е. иметь отрицательную верификацию, поскольку совершил непредумышленное убийство: § 212 (1) *Wer einen Menschen tötet, ohne Mörder zu sein, wird als Totschläger mit Freiheitsstrafe nicht unter fünf Jahren bestraft* (2) *In besonders schweren Fällen ist auf lebenslange*

*Freiheitsstrafe zu erkennen (StGB). / (1) Тот, кто убивает человека, не будучи убийцей, наказывается за непредумышленное убийство лишением свободы на срок не менее пяти лет (2) В особо тяжких случаях предусмотрено пожизненное заключение. В то же время из юридического определения термина *Mörder* следует, что поступок такого лица является особенно предосудительным и бесчеловечным, так как в его основе лежит дегуманизирующая мотивация. Мотивационной стороной такого преступного поведения выступают различные влечения. Отсюда вербализация эмоциональных детерминант преступления, приводящих к убийству, на которых законодатель желает акцентировать внимание, часто осуществляется с помощью таких субстантивных понятий, как *Mordlust* (жажда убийства), *Befriedigung des Geschlechtstriebes* (удовлетворение полового влечения), *Habgier* (жадность), в семантике которых отражается усиленная аффективная окраска.*

Проявление эмоционально-оценочной градуировки находит свое выражение при описании преступных лиц, которые действуют или как обычные воры, которые совершают кражу, или в качестве членов банды:

Mitglied einer Bande (член банды): § 244 *Mit Freiheitsstrafe von sechs Monaten bis zu zehn Jahren wird bestraft, wer als Mitglied einer Bande, die sich zur fortgesetzten Begehung von Raub oder Diebstahl verbunden hat, unter Mitwirkung eines anderen Bandenmitglieds stiehlt...* (StGB). / Лишением свободы на срок от шести месяцев до десяти лет наказываемся тот, кто совершает кражу в качестве члена банды, которая объединилась для дальнейшего совершения грабежа или кражи, при участии другого члена банды.

Kriminelle Vereinigung (преступное объединение): § 129 *Eine Vereinigung ist ein auf längere Dauer angelegter, von einer Festlegung von Rollen der Mitglieder, der Kontinuität der Mitgliedschaft und der Ausprägung der Struktur unabhängiger organisierter Zusammenschluss von mehr als zwei Personen zur Verfolgung eines übergeordneten gemeinsamen Interesses* (StGB). / Объединение – это долгосрочное организованное объединение более чем двух человек, независимое от определения ролей членов, непрерывности членства и определения структуры, для достижения общих интересов, которые имеют всеобъемлющий характер.

Vereinigung, deren Zweck es ist, Straftaten zu begehen (StGB). / Объединение, целью которого является совершение преступлений.

§ 129a *Vereinigung, deren Zweck es ist, terroristische Straftaten zu begehen* (StGB). / Объединение, целью которого является совершение террористических преступлений.

В немецком языке права термин *Bande* (банда) используется для обозначения разговорной лексемы, имеющей уничижительный оттенок, под которой понимается условное объединение нескольких лиц для совершения преступлений. Банда основана на порочном сотрудничестве, выходящем за рамки обычного соучастия, другими словами, члены банды изначально объединяются, чтобы в будущем совершить преступление. Во втором понятии *kriminelle Vereinigung* (преступное объединение) происходит усиление эмоциональной семантики за счет оценочного прилагательного *kriminell* (криминальный). Наибольший эмоциональный потенциал прослеживается в последней дефиниции за счет использования атрибута *terroristisch* (террористический), обозначающей деятельность террористических организаций, основанную на совершении особо опасных уголовных преступлений.

В соответствии с нормами литературного языка, которые предъявляются к юридической речи, такие единицы, как *шайка*, *банда*, не должны употребляться в качестве терминологических (Варлакова, 2022, с. 331). Показательно, что данное требование, как показывает наше исследование, не в полной мере соблюдается в законодательном кодексе Германии.

Также при анализе практического материала встретился целый ряд терминов, оценочность которых легко эксплицируется, например: *Korruption* (взятничество), *Diebstahl* (воровство), *Bestechung* (подкуп), *Raub* (грабеж, разбойничество), *Entführung* (похищение, угон). Проявление оценочного элемента в подобных терминологических значениях объясняется тем фактом, что источником формирования правовых терминов являются общепотребительный язык (Макшанцева, 2012, с. 35).

Эмоциональный настрой передается не только существительными, но и наречиями, например *heimtückisch* (коварный) и *grausam* (жестокий), которые описывают образ действий преступника и служат для качественной оценки действия. Лексема *heimtückisch* (коварный) в контексте права объясняется скорее как подстрекательская, поскольку она указывает на действие, в результате которого жертва лишается возможности оказать сопротивление преступнику, т. е. в целом акцент делается на скрытности и на порочности действия.

Что касается степени выражения аффективности лексемой *grausam* (жестокий) в юридическом контексте, то ее можно классифицировать как равно интенсивное оценочное понятие, которое конкретизируется в процессе правоприменения.

Наряду с вышеназванными понятиями, характеризующими различные «аффективные состояния» с явной уничижительной окраской, при описании признаков состава преступления можно встретить прилагательное *gemeingefährlich* (общеопасный): например, в значении словосочетания *gemeingefährliche Mittel* (общеопасные средства) не прослеживается явный эмоционально-оценочный компонент. Здесь существительное *Mittel* (средство) максимально абстрагирует номинацию предмета отражения, например оружия, ослабляя тем самым отрицательный аффективный потенциал атрибута.

Для правильной квалификации преступления большое значение имеет классификация мотивов.

При терминологическом сравнении обозначений *niedrige Beweggründe* (низменные мотивы) и *aus besonders verwerflichen Gründen* (по особо предосудительным причинам) из немецкого Уголовного кодекса можно установить, что обе фразы носят эмоциональный характер. Первым словосочетанием в УК номинируются особые составы преступлений с усилением наказания по сравнению с более общими преступлениями. Вербализация

экспрессивного в коннотативной лексеме усиливается оценочным прилагательным *niedrig* (*низменный*), которое только подчеркивает отрицательную оценку деяния.

Кроме того, нередко возникают разногласия из-за различных интерпретаций терминов *Motivation* (*мотивация*) и *Beweggrund* (*мотив*) относительно того, какой из них с юридической точки зрения может считаться более узким / более широким, можно ли терминологически рассматривать эти понятия как синонимы. Термин *Beweggrund* связан только с эмоционально-духовной составляющей, в то время как термин *Motivation* объединяет и интеллектуально-волевые, и эмоциональные переживания (Kulesza, 2004, s. 125). Поэтому при переводе лексему *Beweggrund* можно ассоциировать с застывшим фразеологизмом немецкого юридического языка *niedrige Beweggründe* (*низменные мотивы*), сложность разьяснения которого обусловлена тем фактом, что данное определение представлено в законе как оценочная категория и может иметь широкое толкование. Справедливо заметить, что низменные побуждения – это не более чем нравственная оценка, правовое содержание которой не имеет ни легального, ни судебного, ни доктринального определения (Ундольская, 2019, с. 166). Согласно действующей судебной практике, данным термином можно скорректировать мотив преступления, представив его совершение не из корыстных, а из иных личных побуждений, что обеспечивает появление позитивной оценочной коннотации в его семантической структуре.

Обозначение преступлений сексуального характера также демонстрируют попытки смягчить аффективную семантику, вызванную когнитивно-прагматическими коннотациями слов. Например, вместо понятия *Geschlechtsverkehr* (*половой акт*), обозначающего в УК насилие, связанное с унижающим достоинство принуждением к сексуальным действиям и затруднительным положением жертвы, применяется термин *Beischlafvollzug* (*половое сношение*), который является концептуально более емким, подразумевая различные формы поведения, определяемые сексуальной жизнью человека. А выражение *sexuellen Handlungen* (*действия сексуального характера*) эксплицирует любые формы физического контакта преступника с потерпевшим, которые сводятся к пассивному или активному участию жертвы с целью удовлетворения полового влечения преступника: § 184h *Im Sinne dieses Gesetzes sind... sexuelle Handlungen vor einem anderen nur solche, die vor einem anderen vorgenommen werden, der den Vorgang wahrnimmt* (StGB). / *В соответствии с этим законом... действия сексуального характера в присутствии другого лица – это только те, которые совершаются на глазах у другого, который наблюдает за этим процессом.*

Оба понятия функционируют в уголовном праве, по сути, как эвфемизмы, представляя собой номинации с нейтральным значением и отсутствием оценочной семантики, что способствует сглаживанию негативного восприятия сути явления. При переводе зачастую возникает терминологическая путаница между этими определениями по причине их синонимичной замены, что преимущественно обусловлено чертами субъективности, вытекающими из переводческого решения. Субъективность может в этом случае привести к переосмыслению сути указанных выражений и к их неправильным толкованиям: к изменению точки зрения от объективного представления фактов в пользу субъективной оценки действий субъектом. Таким образом, в переводческом методе активизируется пробуждение эмотивности, а эмоционально-содержательное оформление термина является необходимым компонентом процесса убеждения и воздействия.

На лексическом уровне оценочно-субъективные значения терминопонятий обусловлены номинативными свойствами слова путем «прибавления» дополнительных экспрессивных оттенков, т. е. слово как бы осложняется экспрессией. Однако уточнительная функция таких языковых единиц, призванная конкретизировать их содержание, не всегда реализуется в полной степени, а, наоборот, замещение одного термина на другой, близкий по своему смысловому наполнению, но с несколько иной экспрессивной коннотацией, вводит в заблуждение, допуская слишком разноаспектную характеристику обозначаемого.

Например, формулировка *in den Körper eindringen* (*проникновение в тело*), денотирующая преступление, за которое в существующем УК ФРГ предусмотрено строгое наказание, обладает еще более мощным эмоциональным эффектом: § 176c *Der sexuelle Missbrauch von Kindern wird in den Fällen des § 176 Absatz 1 Nummer 1 und 2 mit Freiheitsstrafe nicht unter zwei Jahren bestraft, wenn... 2. der Täter mindestens achtzehn Jahre alt ist und... a) mit dem Kind den Beischlafvollzieht oder ähnliche sexuelle Handlungen an ihm vornimmt... die mit einem Eindringen in den Körper verbunden sind...* (StGB). / *Сексуальное насилие в отношении детей наказывается лишением свободы на срок не менее двух лет в случаях, предусмотренных пунктами 1 и 2 § 176 § 1, если... 2. преступнику не менее восемнадцати лет и он... a) совершает с ребенком половое сношение или аналогичные действия сексуального характера... которые связаны с проникновением в тело...* Это метафорическое терминологическое словосочетание с мотивированной семантической структурой вербально усиливает ощущение насильственного посягательства на личную неприкосновенность и сохраняет при переводе аффективную тональность.

В связи с этим уместно говорить не только об объективных, но и субъективных факторах при переводе текстов немецкого уголовного законодательства. Последние могут особенно негативно сказываться на качестве юридического языка, что, в свою очередь, увеличивает возможность языковой погрешности, процент ошибок в профессиональных текстах и вероятность различных толкований одинаковых явлений нормативно-правового характера (Петрова, 2021, с. 65).

Таким образом, языковые особенности норм немецкого уголовного права свидетельствуют о наличии достаточного количества дублетных слов, тождественных или близких по смыслу, но обладающих разной оценочной семантикой.

Заключение

Итоги проведенного анализа позволяют авторам сделать следующие выводы:

- Юридический текст относится к текстам официально-делового жанра, сохраняя не только основные черты данного типа текстов (нейтральность, точность изложения информации, лаконичное представление материала и др.), но имея набор специфических характеристик, среди которых одним из проблемных вопросов является трудная достижимость лингвистической эквивалентности юридических понятий при переводе.
- Уголовный кодекс Германии обладает общей выразительной составляющей, которая проявляется через эмоциональную акцентуацию в специальной терминологии. Однако наличие выразительной маркировки в юридическом языке, основанном на объективности, ни в коем случае не является нарушением закона, поскольку оценочность обусловлена самим содержанием и назначением права. Вследствие этого использование эмоционально окрашенного вокабуляра в таком типе законодательных документов вполне правомерно.
- К функциональному предназначению экспрессивно побуждающей семантики в уголовном праве относятся: выражение нормативного и авторитарного характера (в частности, в эмфатических фразах посредством придания экспрессивной окраски), ориентация адресата на определенную оценку, указание и осуждение того, что юридически и морально неправильно и неприемлемо.
- Стилистически окрашенная лексика в нормах уголовного права отличается широким тематическим разнообразием и свидетельствует о выразительности, образности, эмоциональности и экспрессивности, что обусловлено специфическими коммуникативными целями. Такие языковые единицы, имея как сниженную, так и высокую окраску, используются с целью изображения преступных деяний путем стилизации, т. е. способствуют достижению украшательства речи ради ее внешнего эффекта, что может влиять на выявление юридической истины, скрывающейся за значением той или иной терминологической единицы. Кроме того, эмоционально-содержательное оформление термина является необходимым компонентом процесса убеждения и воздействия, оказывая психологическое воздействие на правосознание аудитории и помогая правоприменителям квалифицировать преступление в нужном русле.
- Вербализация экспрессивного в языке уголовного права осуществляется через варьирование эмоциональности с помощью юридических определений, оценочную атрибуцию и семантическую детерминацию эмоциональной окраски, ослабление экспрессивности за счет эвфемизации.
- Вариабельность черт субъективности и выразительности проявляется в переводе как результат субъективного решения и интерпретации переводчика. Основные стратегии при переводе правовых актов направлены на сохранение неизменного эмоционального тона, приукрашивание с целью эстетизации, усиление эмоциональной окраски или смягчение путем эвфемизации.

В заключении еще раз подчеркнем, что проблема вариативности терминов, связанная с их эмотивными трактовками и переводами в профессиональном тексте, нуждается в дальнейшем изучении. Перспективным, например, может быть контрастивное исследование терминологической системы по другим отраслям права на предмет передачи эмоционально-экспрессивных смыслов.

Источники | References

1. Варлакова Т. В. Анализ языковых особенностей норм уголовного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 4 (87).
2. Казакова В. А., Иншаков С. М. Коррекция юридической терминологии в механизме обретения уголовным законом правовой сущности // Журнал российского права. 2020. № 6.
3. Кочкинекова А. В. Проблема феномена субъективности в переводоведении // Филология и человек. 2016. № 4.
4. Макшанцева Е. А. Специфика оценочного компонента в структуре значения юридического термина (на материале русского и английского языков). Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2012.
5. Петрова И. Л. Текст как объект и предмет юрислингвистического анализа. Владимир: Изд-во Владимирского государственного университета, 2021.
6. Скворцов О. Г. Перевод деловой и юридической документации. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019.
7. Ундольская И. В. «Иные низменные побуждения» как мотив преступления по действующему уголовному закону России // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 3.
8. Ciompi L. Die emotionalen Grundlagen des Denkens. Entwurf einer fraktalen Affektlogik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997.
9. Drescher M. Sprachliche Affektivität. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003.
10. Fiehler R. Kommunikation und Emotion: theoretische und empirische Untersuchungen zur Rolle von Emotionen in der verbalen Interaktion. Berlin – N. Y.: De Gruyter, 1990.
11. Gast W. Juristische Rhetorik. Heidelberg: C. F. Müller Verlag, 2006.
12. Jahr S. Emotionen und Emotionsstrukturen in Sachtexten: ein interdisziplinärer Ansatz zur qualitativen und quantitativen Beschreibung der Emotionalität von Texten. Berlin – N. Y.: De Gruyter, 2000.

13. Kulesza J. Glosa do wyroku Sądu Apelacyjnego w Lublinie z dnia 27. maja 2002 r., sygn. Ака 99/02 // Prokuratura I Prawo. 2004. № 2.

14. Radbruch G. Rechtsphilosophie. Heidelberg: C. F. Müller Verlag, 2003.

Информация об авторах | Author information

RU **Петрянина Ольга Валерьевна**¹, к. филол. н., доц.
Беленкова Юлия Сергеевна²
¹ Самарский государственный экономический университет
² Самарский государственный технический университет

EN **Petryanina Olga Valeryevna**¹, PhD
Belenkova Yulia Sergeevna²
¹ Samara State Economic University
² Samara State Technical University

---

¹ Petryaninaolga@rambler.ru, ² yubelenkova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.05.2023; опубликовано (published): 10.07.2023.

Ключевые слова (keywords): выразительность; юридический язык; аффективность; уголовное право; субъективность; expressiveness; legal language; affectivity; criminal law; subjectivity.